

БЛИЖЕ К ЗВЁЗДАМ

КРИСТИН УЭББ

Marshmallow Books

Москва
2026

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
У97

Christine Webb
Shooting for Stars

Переводчик: Полина Белитова
Редактор: Анастасия Маркелова

Уэбб, Кристин.

У97 Ближе к звездам / Кристин Уэбб. — М. : Альпина Пабlishер, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-0063-0212-9

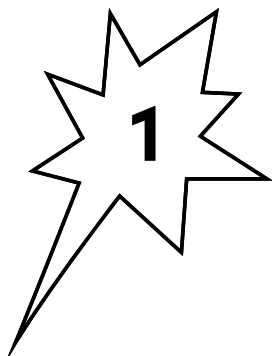
Скайлер знает о космосе все. Она одержима мечтой завершить исследование погибшей матери о нейтронных звездах и хочет попасть в программу НАСА. Правда, для этого необходима идеальная видеозаявка, а Скай сильна только в науке. Приходится обратиться за помощью к незнакомому парню — талантливому оператору по имени Купер. А еще нужно врать отцу, который панически боится потерять дочь так же, как потерял жену.

Пока Скай грезит о космосе, реальность преподносит сюрпризы: отец встречается новую любовь, Купер становится больше чем другом, а его младшая сестренка внезапно убегает из дома. Оказывается, что человеческие отношения посложнее квантовой физики. И никто не предупреждал, как больно выбирать между мечтой всей жизни и людьми, которые эту жизнь наполняют смыслом.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

First published in the United States under the title SHOOTING FOR STARS by Christine Webb. Text Copyright © 2024 by Christine Webb. Published by arrangement with Peachtree Publishing Company Inc. All rights reserved
Cover background illustration: © Goce Ilievski / Stocksy United
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Пабlishер», 2026



В первый раз меня вызвали к директору из-за ерунды, хотя я успела проучиться в выпускном классе всего месяц. Я думала, что попаду сюда из-за чего-то более интересного: может, случайно устрою взрыв в школьной лаборатории или взломаю электронный журнал ради друга. Или меня поймают на крыше, когда я буду разглядывать в телескоп туманность Ориона, или я генетически модифицирую еду в столовой, чтобы она перестала быть похожей на кошачью блевотину. Но нет, я здесь из-за пушистой крыски, которая сидит в кармане моей толстовки. Это голубая крыса. Название, правда, не совсем точное, потому что ее шерстка на самом деле серо-голубая. В любом случае она никому не мешала, так что вызов к директору — это перебор.

Пока я сижу на мягком стуле напротив секретарского стола, в голове пробегают следующие мысли:

1. Этот стул гораздо удобнее тех, что стоят в кабинете матанализа, поэтому ситуацию можно расценивать как улучшение моего положения. Десять минут назад было хуже.
2. Папа разозлится или найдет происходящее смешным? Обычно, когда звонят из школы и сообщают, что дочь вызвали к директору, — это не очень хорошо, так что, наверное, разозлится. Живот скручивает.
3. Жаль, что еда Пятерки осталась в моем шкафчике. Она копошится в кармане. Наверное, голодна: не ела с самого завтрака.

Я нежно поглаживаю карман, пытаюсь успокоить Пятерку. Хотя она не знает, что мы сидим у кабинета директора, так что, наверное, успокаивать ее не нужно. На стене висит баннер, на котором — рядом с логотипом нашей школы — красуется девиз: «Стремись к совершенству».

Секретарша, миссис Линг, стучит по клавиатуре, игнорируя меня: для нее я очередной ребенок, не достигший совершенства. Ее глаза тусклые — словно годы, проведенные перед монитором, погасили в них свет. И ставлю десять баксов, что яблочко на жилетке — не единственная брошь в ее коллекции. Будь она химическим элементом, она была бы радоном — продуктом распада урана и тория.

Я стала классифицировать людей по периодической таблице химических элементов в начальной школе, после того как Джон Блатник обозвал меня какашкой. Чтобы придумать достойный ответ, я пошла искать самую мерзкую вещь на свете. Оказалось, что самым вонючим элементом считается ливерморий — так я Джона и назвала. Он заплакал, подумав, что я наложила на него проклятие из «Гарри Поттера».

Вскоре я подобрала элемент из периодической таблицы для каждого одноклассника. Мне стало казаться, что я наконец-то начала понимать людей. Вот, например, ливерморий. Крайне радиоактивен. Так что немудрено, что Джон Блатник порой на меня огрызается: это в его природе. Это элементарное умозаключение помогло мне его терпеть. С тех пор я людей и классифицирую.

Позади секретарского стола открывается дверь, и мистер Грант смахивает с полосатого черно-красного галстука ворсинку.

— Скайлер Дэвидсон? — Он похож на доктора, осматривающего приемную, но в ряду пустых стульев сижу только я.

— Это я. — Поднимаю руку. Пятерка копошится в кармане, так что я засовываю к ней вторую руку и чешу ее за ушком.

Кабинет директора несколько разочаровывает. На стене висят постер с тропическим островом и диплом из какого-то колледжа, вероятно небольшого, раз я о нем ничего не слышала. Металлический стол занимает половину пространства, слева на углу стоит прозрачная мисочка с шоколадками. Я угощаюсь мини-батончиком «Кранч». И чем так страшен кабинет директора?

Мистер Грант хмурится, увидев шоколадку в моей руке. Может, они лежат тут не для учеников? Ну, половину я уже съела, не возвращать же.

— Скайлер Дэвидсон... — говорит он, разглядывая бумажки в тонкой папке с моим именем, словно пытается потянуть время. Наверняка он даже не знает, кто я. В школе пять тысяч учеников, с такими, как я, обычно не возятся. Директор тянется за очками.

Я выпаливаю свою статистику, как спортсмен, в надежде, что это ускорит процесс:

— Двенадцатый класс. Средний балл — четыре и ноль. Никаких нарушений, если не считать тот случай в седьмом классе,

когда мой проект для научной ярмарки спровоцировал небольшой пожар в углу спортзала. Не знаю, попало ли это в личное дело.

Мистер Грант смотрит на меня поверх очков, затем перелистывает пару страниц:

— Похоже, что нет.

— О, хорошо.

Значит, и при поступлении в колледж не всплывет. Я доедаю шоколадный батончик, оставляя лишь небольшой уголок, который сую в карман своей серой толстовки. Вновь разглядываю мисочку и замечаю батончик «Баттерфингер», но решаю не испытывать судьбу.

Видимо, не отыскав ничего примечательного в папке, мистер Грант складывает руки на столе и смотрит на меня:

— Можете объяснить, мисс Дэвидсон, что случилось на математике?

Я поднимаю палец, чтобы директор подождал, пока я дожую. Все-таки говорить с набитым ртом невежливо.

— Ваша учительница сообщила, что вы... — Он бросает взгляд на записку, чтобы удостовериться, что прочитал ее правильно. — Вы принесли на урок крысу?

— Технически да. — Я достаю из кармана Пятерку и сажаю себе на плечо. Она держит лапками кусочек шоколадки и жует. На минуту замирает с шоколадом за щекой. Оглядывается. Как и я, находит кабинет непримечательным и продолжает жевать.

Мистер Грант прищуривает глаза, а затем качает головой:

— Ясно. Понял. И вы принесли на урок крысу, потому что...

— Потому что ей четыре раза в день нужны электролиты. Как я и объяснила Челси и миссис Бэттс, но они, кажется, не поняли.

Словно по команде Пятерка чихает. Лапкой вытирает усики и розовый нос.

— Видите? Если перерастет в инфекцию верхних дыхательных путей, будет плохо. Ее предшественница, Тройка, умерла от ОРВИ, и, поверьте, выглядело это неприятно.

— Понимаю.

Мне кажется, он не понимает.

— Челси увидела, как я засовываю пипетку с «Гаторейдом» в карман, и спросила, зачем она мне. Я показала ей Пятерку. Она завизжала и повела себя так, будто я по канализации шаталась, хотя крысы — самые чистоплотные из грызунов. Если вдруг окажетесь в канализации, мистер Грант, идите туда, где крысы. Это будет самая чистая часть.

— Правда?

— Правда. На эту тему множество исследований проводилось. К тому же крысы невероятно умные. Прекрасные домашние животные. Смотрите. Пятерка, сидеть.

Пятерка продолжает жевать шоколад и даже не шевелится.

— Мы работаем над этим. Но они умные, правда.

Мистер Грант глубоко вздыхает:

— Пятерка, она... часть проекта, над которым вы работаете?

— Для научной ярмарки, да. Эффекты моногидрата креатина на рост мышц у крыс. Она по десять минут в день бежит на беговой дорожке, и я собираюсь доказать, что моногидрат креатина ускорит набор ее мышечной массы. Мы тренируемся уже несколько недель. Я кучу времени потратила на то, чтобы научить ее бегать на дорожке, и сейчас она может взять уровень два и один. Грубо говоря, восемь километров в час. Впечатляюще, как мне кажется. Заслуживает внимания, которое ей необходимо, особенно учитывая тот факт, что я не успею натренировать еще одну крысу до ярмарки.

Я демонстрирую бутылку «Гаторейда», словно Александр Флеминг, только что открывший пенициллин.

В кабинет входит папа, и мистер Грант встает из-за стола.

— Скай, что случилось? — Папа даже не снял белый лабораторный халат. В его голубых глазах за стеклами серебристых очков читается тревога. — Я получил твое сообщение, что мне нужно приехать.

— Я принесла в школу Пятерку, потому что ей нужны электролиты. Оказалось, так нельзя, и я надеялась, что ты заберешь ее домой.

Папа прижимает ко лбу пальцы:

— Скай, с чего ты взяла, что так можно?

— Ты сказал, что тебе некогда давать ей «Гаторейд». Мне что, нужно было ее бросить?

Отец пробегает рукой по растрепанным волосам. Мы почти не похожи. От мамы мне достались темные волосы и темные глаза. И маленький рост. Папа высокий и худой. Говорит, что, когда в школе играл в гольф, был мускулистым, но я сомневаюсь. Последние двадцать лет он только и делал, что возился с микроскопами, и времени на спорт просто не оставалось. Недавно он стал пару раз в неделю посещать местный спортзал. Говорит, что «начинает спортивную жизнь с чистого листа». Посмотрим, на сколько его хватит. Обычно хватает ненадолго.

— Простите, мистер Грант, — говорит папа. — Я заберу Пятерку домой.

Он забирает ее с моего плеча и кладет на свое. Затем жмет руку директору, а тот бросает взгляд на огромную бутылку антисептика на столе.

— Будешь давать ей «Гаторейд»? — спрашиваю я. Бутылка наполовину пуста, пипетка привязана к ней синей резинкой. — По пять миллилитров? Пожалуйста?

Папа закрывает глаза, складывает ладони и прижимает их ко рту, словно молясь богу, в которого он не верит, и вопрошая, почему ему достался такой странный ребенок. Его вина,

на самом деле. Всех крыс я брала из его микробиологической лаборатории.

Он вздыхает и поворачивается ко мне:

— Я буду давать Пятерке «Гаторейд». Но только сегодня. Культуры бактерий все равно испорчены из-за того, что мне пришлось ехать сюда. — Он закатывает глаза — раздражен, но не зол. Жизнь постоянно мешает его культурам. Бактерии — хрупкие засранцы.

— Спасибо, пап. — Я улыбаюсь. Для человека, который по долгу службы заражает крыс всякими болезнями, он бывает очень к ним сердоболен. Ну или ко мне. Неважно, итог один. Я поворачиваюсь к мистеру Гранту:

— Так что, могу я возвращаться на урок или?..

Глаза мистера Гранта прищурены, рот приоткрыт.

Пользуясь возникшей паузой, папа спрашивает:

— Конфетки можно брать?

Он вытаскивает из миски «Баттерфингер», который я приглядела, показывает нам и говорит:

— Спасибо. Я забыл поесть утром.

Шуршит упаковка, и Пятерка шевелит носом в ожидании угощения.

К мистеру Гранту возвращается самообладание.

— Спасибо, что пришли, мистер Дэвидсон. Рад, что вы согласны с тем, что приносить крысу на урок в высшей степени неуместно.

— Определенно, — говорит папа, жуя шоколадку. Поворачивается ко мне, изображая строгость. — Ты наказана на неделю.

Мы оба пытаемся скрыть улыбку. Наказывать меня бессмысленно, потому что я все равно сижу дома и никуда не хожу. У отца пиликает телефон. Он достает его из кармана и читает сообщение.

Мистер Грант поправляет очки и роется в моих бумагах, словно там можно отыскать подходящее наказание. Наконец он поднимает взгляд:

— Похоже, вы взяли ситуацию под контроль, мистер Дэвидсон. Скайлер, надеюсь, я больше не увижу вас в школе с животными. Если снова принесете крысу в мой кабинет, мне придется отстранить вас от занятий, понятно?

— Да, сэр. — Пытаюсь выглядеть виноватой.

Директор складывает бумаги обратно в папку.

— Можете возвращаться на урок.

Но прежде чем мы успеваем уйти, телефон отца вновь пиликает, и папа, отвечая на сообщение, меняется в лице. Он берет Пятерку и кладет ее обратно мне на плечо.

— Э-э... Помнишь, я рассказывал про пациента со странной грибковой инфекцией? Доктора проводят дополнительные исследования. Мне нужно в больницу.

— А как же Пятерка? — спрашиваю я.

— Скай. — Голос отца становится серьезным. — Это *человек*. Думаю, ты согласишься, что он немного важнее Пятерки и «Гаторейда»?

— Но я ведь не могу взять ее на урок. — Бросаю взгляд на директора.

Он рассеянно качает головой. Телефон полностью поглотил его внимание.

— Можно я пойду домой? — спрашиваю я. — Уже пятый урок.

— Можно, — говорит отец, протягивая руку к двери. Он набирает номер и прикладывает телефон к уху. — Алло, Чарли? Да, это я. — Папа выходит из кабинета, оставляя меня одну с мистером Грантом.

Похоже, папа разозлился не так сильно, как я ожидала. Кажется, ему вообще все равно, что его ребенка вызвали к дирек-

тору. Стоило бы испытать облегчение, но к нему примешивается что-то... еще. Не знаю. Разочарование? Конечно, мне не хочется, чтобы меня наказывали, но папа мог бы хоть немного поволноваться. Вступить за меня или встать на сторону школы, хоть как-то вовлечься в ситуацию. Но он уже ушел.

Я смотрю на закрывшуюся дверь, потом перевожу взгляд на мистера Гранта. Пятерка начинает лизать мне ухо. Щекотно, но я не смеюсь.

— Так я это... могу идти?

Мистер Грант тяжело опускается в мягкое рабочее кресло.

— Вы свободны.



Я никогда не приходила домой в 14:15. Пропускать уроки странно. За окном моей спальни улица выглядит как прежде: одинаковые отштукатуренные дома с крышами, покрытыми красной плиткой, и каменистыми двориками, где растут чахлые деревья и несколько кактусов. Стандартный и скучный жилой район в Долине Лас-Вегаса.

Но архитекторы не могут сделать наши дома одинаковыми внутри. Например, у Джули в соседнем доме целая стена отведена под стеллажи с винтажными куклами-троллями. У нас в подвале стоит самодельная микробиологическая лаборатория — для тех случаев, когда папа хочет поработать дома или заняться собственными исследованиями. Иногда я упоминаю подвальную лабораторию при соседях, и поэтому, мне кажется, нас особо не зовут в гости. Ну и славно. Один раз, когда мы обедали у Джули (вскоре после переезда десять лет назад), она полчаса распиналась об истории троллей. Я все хотела перебить, мол: «У троллей нет истории, потому что ОНИ НЕНАСТОЯЩИЕ»,

но это было бы грубо. В попытке проявить вежливость я похвалила блестящую балетную пачку на синеволосой кукле-тролле. Джули заказала копию фигурки и передала ее мне на следующей неделе. Тролль стоит у меня в комнате в треснутой колбе.

Я падаю на кровать и начинаю скроллить инстаграм*: Масачусетский и Калифорнийский университеты, Гарвард, астронавты НАСА, SpaceX, телескопы «Хаббл» и «Уэбб». Я была подписана на несколько девчонок из моей команды по квизболу, но они слишком часто постили селфи с глупыми хештегами и фоткали еду. #Отписка.

Мое внимание привлекает пост НАСА. Я приподнимаюсь и перечитываю сообщение.

— Пятерка, это то, что я думаю?

Пятерка подбегает к решетке и смотрит на меня в ожидании. Она всегда так делает, когда я зову ее по имени (серьезно, крысы очень умные).

Этот пост не может быть правдой.

Я включаю ноутбук, словно, если прочитаю текст на другом экране, он станет реальнее. Проверяю сайт НАСА, чтобы удостовериться, что это не проделки хакеров. Нужная страничка находится не сразу, но затем на синем фоне с белыми звездами появляются следующие слова:

НАСА ищет подростка для программы «Подростки в космосе». Одного кандидата выберут для помощи в исследованиях, которые будут проходить на Международной космической станции следующим летом. Подробную информацию смотрите в инструкции по подаче заявки.

* Деятельность продуктов компании Meta запрещена на территории РФ.

Детали просты и понятны. Заявитель должен: быть здоровым подростком (есть), иметь возможность пройти подготовку и отправиться в двухмесячный исследовательский полет следующим летом (есть) и серьезно увлекаться астрономическими исследованиями (ЕСТЬ!). Кандидату следует приложить трехминутное видео о том, почему именно его стоит выбрать для этой программы. Я не знаю, как снимать видео, но вряд ли это так уж трудно.

НАСА пишет, что запускает программу, потому что хочет «вложиться в молодые умы» и «вдохновить будущих ученых», но я знаю настоящую причину. Я подписана и на Роскосмос, и пару месяцев назад они писали о том, что отправили на МКС самого молодого космонавта — двадцатилетнего Виктора Ильяковича. В новостях про это особо не говорили, но я уверена, что наш склонный к соперничеству президент про Ильяковича услышал. Видимо, это прямой ответ НАСА Роскосмосу. Вы отправили двадцатилетнего? А мы закинем подростка. #АмерикаВперед.

Мне будто снова пять, я играю с мамой в «Сладкое королевство» и получаю карточку королевы Холодины, которая, по сути, позволяет пропустить все поле и переместиться на финиш. Моя жизнь была распланирована со средней школы: поступить в Массачусетский технологический институт, как сделала мама, выпускиться с отличием, как сделала мама, вступить в докторскую программу по астрофизике, как сделала мама, получить приглашение работать в космической программе НАСА и завершить исследование, как мама *не сделала*.

Я была в третьем классе, когда автомобильная авария положила внезапный конец ее многообещающей карьере в астрофизике. Кто-то стремится изменить планету, а она хотела изменить Вселенную.

Я падаю на кровать и достаю знакомую докторскую диссертацию, которую слишком часто читаю. Она в твердой черной

обложке с золотыми буквами: «Образование нейтронных звезд с сильным магнитным полем и их значение для межпланетных космических полетов». Под логотипом Массачусетского технологического института стоит мамино имя: Рене Дэвидсон. Золотые чернила потерялись — так часто я проводила по буквам пальцами. Провожу и сейчас.

— Я обязательно туда попаду, — шепчу я ее имени. — И закончу твою работу.

На прошлой неделе план поступления в институт оказался в опасности. Выяснилось, что результаты вступительного экзамена значительно ниже, чем я ожидала, и я весь вечер была в полном раздрае. Девчонка из нашей команды по квизболу заявила, что плохие результаты — не причина семь часов подряд смотреть «Мою фастфудную жизнь», но у нее-то результаты почти идеальные. К тому же ее мама на нее не рассчитывает.

Мы было стыдно рассказывать об этом папе, тем более что он оплачивал подготовительные занятия, но теперь мне будто подвернулся второй шанс. Какой институт откажет стажеру НАСА? Можно прикинуться, что плохих результатов никогда не было.



Папа возвращается в девять.

— Хорошие новости, — говорит он. — Кажется, лекарства сработали. Мы продолжим наблюдение, но, похоже, с инфекцией покончено. Жаль, нельзя увеличить бактерию в миллион раз и врезать ей по морде. — Он улыбается своей шутке, но темные круги под глазами выдают, сколько бессонных ночей он провел в больнице, пытаясь справиться с проблемой.

— Я приготовила тебе ужин, — говорю я. — Пиккату из курицы. В духовке на подогреве.

— А, точно. — Он шлепает себя по лбу. — Еда. Спасибо. Что бы я без тебя делал?

Если бы я не готовила, папа умер бы от голода или выживал на китайском фастфуде из ресторанчика в километре от нашего дома. Он преданный поклонник генерала Цо*.

Пока отец ест, я сижу рядом на барном стуле.

— Ты неверишь, что сегодня анонсировало НАСА. — Мне тяжело сидеть спокойно. Не дожидаясь реакции, я с размаха кладу на стол распечатанную копию новости. — Возможно, следующим летом я полечу в космос.

Папа читает объявление, отпивая воду из стакана и откусывая кусочек курицы. Но почему-то даже не удивляется. Не обнимает меня, не кричит от радости. Наоборот, хмурится. Берет бумагу и читает вновь. Кладет ее на стол, проглатывает еду и говорит:

— Интересно.

«Интересно»? Мне подвернулась, вероятно, самая захватывающая возможность в моей жизни, а все, что он может сказать, — это «интересно»?

— Пап, ты серьезно? Это же НАСА. Высшая лига. Мечта. То, что ты коллекционируешь антикварные чашки Петри, — это интересно. А это объявление... Не знаю. Монументально.

— Мишутка. — Терпеть не могу, когда он называет меня Мишуткой. Какая логика в этом прозвище? — Я не думаю, что это хорошая идея.

Из-под меня словно стул выбили.

* Имеется в виду цыпленок генерала Цо — блюдо из жареной курицы, которое подают в китайских ресторанах. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Не думаешь? Но почему? Мы столько лет это обсуждали. Я смогу закончить мамино исследование.

— И в этом я тебя поддерживаю. — Он выставляет перед собой ладони. — Когда ты повзрослеешь. Когда у тебя появятся опыт и необходимые знания.

— Пап, я о нейтронных звездах знаю больше, чем большинство аспирантов. Я прочитала все книги, до которых смогла добраться. У меня в комнате тетради с заметками о том, что нужно сделать, чтобы достать данные, которые были нужны маме.

— Я знаю. — Он кладет вилку на гранитный стол. — Однако НАСА не для подростков.

Я машу листом:

— Теперь да!

— Нет. — Он вытирает рот. — В космос летать опасно. Честно говоря, я всегда считал, что ты передумаешь. Или, может, появятся технологии, которые позволят тебе закончить мамино исследование, оставаясь здесь. Скай, я уже потерял твою маму. Я не могу потерять еще и тебя.

— Я не умираю, пап. Я лечу в космос.

— Нет, не летишь. — Он строго сжимает губы.

— погоди, хочешь сказать, что мне даже подать заявку нельзя? — Такого я не ожидала. Честно говоря, даже не рассматривала такой вариант.

— Подавай заявку в колледж, не в НАСА. Как нормальный подросток.

Вина превращается в злость.

— Так я теперь нормальный подросток?

Когда умерла мама, я превратилась из ребенка во взрослого. Подростком я никогда не была. Летом после третьего класса у нас отключили электричество. Так я узнала, что такое счета. Теперь я ответственна за их оплату. Той же осенью я построила кукольный домик из коробок из-под пиццы и из-под китайской

лапши. Втулка от рулона туалетной бумаги служила для куклы телескопом. Папу не воодушевила моя поделка, а вскоре с амазона стали приходить кулинарные книги. Пару раз мы готовили вместе, однако вечера в лаборатории становились длиннее, и готовка превратилась в сольную деятельность. Дождаясь возвращения папы с работы, я читала мамину диссертацию. Это была моя библия — руководство для моей жизни, и я боготворила автора. Папа приходил домой, извинялся за опоздание, потом говорил, какой я замечательный ребенок, и обещал в следующий раз вернуться пораньше. Мы болтали о нейтронных звездах и бактериях, пока он ел блюдо, которое я оставляла для него в холодильнике, и жизнь казалась вполне неплохой. Неплохой, но не нормальной.

— Скай, я не это имел в виду.

— А что же тогда?

— Просто не надо, пожалуйста. Оставь эту затею. Ты же знаешь, что это пропагандистский трюк в ответ на Виктора, как его там.

— Виктора Ильяковича. И что? Это мой шанс.

Папа глубоко вздыхает:

— Мамы с нами нет, Мишутка. Она не оценит твои старания, даже если ты завершишь исследование. Пора двигаться дальше.

Горячие слезы обжигают глаза.

— Как сделал ты?

У него на комодке до сих пор стоят мамины духи «Шанель». Рядом с ними лежит ее ожерелье с подвеской в виде Сатурна. В ящике прикроватного столика — ее очки, а рядом — книга, которую она читала незадолго до смерти. Закладка никогда не сдвинется на другую страницу.

После смерти мамы папа начал постепенно терять друзей. «Давай поужинаем вместе, я оплачу» превратилось в «Скажи,

если что-нибудь нужно», затем — в «Мы целую вечность не виделись, старик». В конце концов нам перестали звонить.

— Мы все справляемся с горем по-разному. Никто не страдает из-за того, что я посвящаю свое время работе. — Папа словно разговаривает с тарелкой.

— Никто не страдает из-за того, что я пытаюсь закончить мамино исследование.

— Это слишком рискованно. Я запрещаю. — Он отпивает воды с таким видом, словно вопрос решен. Словно он пытается смыть горечь собственных слов.

— Запрещаешь? Теперь ты вдруг решил меня воспитывать? Ты не указывал мне, что делать, с десяти лет.

— Потому что ты всегда делала то, что нужно. С тобой легко.

— Может, пора мне стать трудным ребенком. — Я отпиваю из папиного стакана и ставлю его на стол чуть резче, чем следовало. — Это моя мечта, пап.

Он ничего мне не запрещает. Папа так много работает, что, наверное, и не заметил бы, если бы я стала принимать «деструктивные жизненные решения», как выражаются наши учителя. Последнюю «безумную вечеринку» я устроила на день рождения: мы с Пятеркой помогли папе с его исследованиями. Торт (который испекла я) был в форме колбы Эрленмейера. Я даже сделала небольшое углубление сверху, чтобы смешать там пищевую соду и уксус и посмотреть, как они пенятся. Выглядело клево, но вкус немного испортило.

Погодите. Мне уже восемнадцать.

Как совершеннолетней, он не может запретить мне подавать заявку, даже если захочет. Триумфальная — и пугающая — мысль.

— Я уже взрослая, знаешь ли, — говорю я. — Технически ты не можешь меня остановить.

Отец сутулится еще сильнее. Кладет локти на стол и роняет голову на руки. А когда вновь поднимает, глаза у него стеклян-

ные. Лучше бы он злился. К такому я не готова. Папа — классический вольфрам. Элемент с самой высокой температурой плавления. Его непросто сломать.

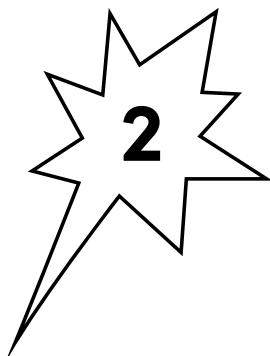
— Пожалуйста, не надо, Скай. Не подвергай себя такой опасности. Если ты не вернешься домой, я погибну.

Внутри меня борются любовь к маме и любовь к папе. Если упущу подвернувшийся шанс, то, возможно, упущу и единственную возможность закончить мамино исследование. Я столько обещаний ей нашептала. Ее фотографиям, ее могиле, ее диссертации, самому ночному небу — я обещала везде и всюду, что завершу ее работу. С другой стороны, папа прав. Она не узнает, что ее исследование завершено. И хотя я готова рисковать жизнью ради этой цели, я помню, чего стоила отцу потеря члена семьи. Той первой ночью мы столько времени провели на кладбище, что, когда отец разбудил меня, взял на руки и понес к машине, небо окрасилось в предрассветный серый. А потом он плакал за рулем, пока серый не превратился в бледно-розовый. Помню, как гладила его по плечу и говорила: «Все хорошо, пап. Не плачь». Не потому, что все правда было хорошо, а потому, что не могла смотреть, как мой обычно стойкий папа разваливается на части. Мне казалось, я теряю обоих родителей. В каком-то смысле так и случилось. Но я люблю своего отца и не хочу, чтобы он проходил через подобное снова. У него больше никого не останется.

— Ладно, — говорю я, складывая руки на груди и уставившись на пиккату. — Я не буду подавать заявку. Сфокусируюсь на поступлении в институт.

Я комкаю распечатанное объявление и по пути к себе в комнату выкидываю его в мусорку. Глаза жжет.

Первый раз в жизни я соврала своему отцу.



На следующий день после школы я стою в «Уолгринс» в отделе косметики и понятия не имею, что покупать. Я до полуночи изучала, как снимать видео: везде пишут, что макияж важен, потому что свет камеры может «вымыть цвет кожи». А выглядеть болезненно мне нельзя. Все-таки одно из требований — это успешное прохождение медицинского осмотра.

Должен существовать универсальный косметический набор под названием «Сияние юности». К сожалению, такого не существует. Я проверяла.

У меня в тетради список необходимых покупок. Я думала, купить блеск для губ будет легко, но столкнулась с семьюдесятью двумя позициями на выбор — и это только в секции бренда «Ревлон». Кстати, какая разница между блеском и шиммером? Что мне нужно? И то и другое выглядит неестественно.

Без особого энтузиазма беру блеск и кручу его в руках. Об-разец красоты в пузырьке. Выглядит как крошечная пробирка. Читаю название: «Пузырьки шампанского». Пузырьки шампанского? Кому надо, чтобы его губы выглядели как алкогольный напиток? Не мне. Кладу блеск на место и беру другой: «Оби-женный мак». Чтобы я могла выглядеть как раздраженный цве-ток. Отлично. Кто придумывает эти названия?

К слову, блеск для губ стоит восемь долларов и девяносто девять центов. Серьезно? За крошечный тюбик гидроксилиро-ванного ланолина и полибутена? Вы издеваетесь.

Ладно, с блеском разберусь позже. С тональным кремом наверняка проще: нужно лишь подобрать подходящий к коже оттенок. В моих записях говорится, что мне нужны еще «хай-лайтер» и «тени», чтобы сделать «контуринг». Целый химический эксперимент на лице.

Сзади появляется девочка лет тринадцати. Со знанием де-ла она проходит по лабиринту косметического отдела и берет тени для век: черные, серые и светлые нейтральные. Знакомая комбинация. Быстро сверяюсь со своими записями.

— А, «смоки айз»? — спрашиваю я. — Соблазнительное сочетание оттенков и мягкая растушевка для создания кокет-ливого образа?

— Э-э, да, — отвечает девочка, глядя на меня так, словно я попыталась заговорить на иностранном языке.

По правде говоря, так оно и есть. Девочка берет еще подвод-ку и тушь. Откуда она знает, какие именно нужно брать?

Большинство девочек учатся краситься у своих мам или по-друг во время ночевки в средней школе. Мне никогда не казалось, что я упустила что-то важное, но теперь вдруг стало грустно. Можно ли скучать по событию, которого в твоей жизни не было?

Я могу удержать только пять кремов одновременно, так что выбираю пять оттенков, близких к тону моей кожи, зажимаю

их между пальцами и, пытаясь не уронить, смотрю, какой подходит лучше всего.

Рядом останавливается женщина примерно папиного возраста, берет с полки баночку и наносит небольшое количество косметики на запястье. Так вот как нужно выбирать цвет? Косметику можно дегустировать, как сырные кубики в «Костко»? Все женщины на свете, кроме меня, знают, что делать, что ли?

Наверное, так себя ощущает Челси (типичный гелий) на уроках физики. Чувство для меня новое, и оно отстой. Я оглядываюсь в надежде отыскать знакомое лицо — кого-то, кто поможет разобраться в ситуации. Даже Челси сгодились бы, но есть только я, выставляющая напоказ свое невежество под резким светом флюоресцентных ламп. И, как у Челси, глядящей в пустой бланк контрольной по физике, у меня проблемы.



Вечером того же дня я радуюсь, что отец снова в больнице, а не дома. Уже в третий раз я пробую сделать контуринг, но это не так просто, как кажется по обучающим видео в интернете. Пугаюсь от взгляда в зеркало. Я словно пыталась нарисовать себе тигриный грим на Хеллоуин, вот только тигр получился не из красивых. Еще и подводка лежит неровно, и я столько раз случайно тыкала себе в глаза, что они покраснели. Я похожа на потасканного енота. И тигра. Мой образ совсем нельзя назвать милым.

Пора смотреть очередной tutorial. На макияж я успела потратить четыре часа, восемьдесят семь долларов и пятьдесят шесть центов, но полет в космос того стоит. Канал, на который я наткнулась, называется «Поцелуй от Чарли». Фу. Я слышала о нем от девчонок в школе. Оказывается, Чарли живет в Лас-

Вегасе. Челси как-то встретила ее в магазине. Мы потом три дня про это слушали.

— Привет, девчонки! — говорит Чарли своим зрителям. Она разговаривает с южным акцентом. — Готовы стать сногшибательно красивыми?

Ее темно-коричневые волосы заплетены в косы, чтобы не лезли в лицо, а сияющие глаза обрамлены огромными ресницами (наверняка накладными — про такие я узнала из прошлого видео). Она надела кружевной белый топик — ужасный выбор для работы с цветными субстанциями. Мои джинсы испачканы тональным кремом, а футболка — тенями. Чарли начинает tutorial, но за ней не поспеть. Это как те кулинарные шоу, где все ингредиенты уже нарезаны.

Чарли говорит:

— Проходитесь по этим линиям своим бьюти-блендером и... бум!

Она щелкает пальцами, и макияж тут же сливается с кожей.

Я раздраженно рычу и вновь пытаюсь стереть косметику. Она должна смываться водой, но не смывается. Мне в глаза попали три разных мыла, а с кожи наверняка стерся верхний слой. Должен же быть способ получше.

Отличный вопрос для гугла: «Как смывать макияж?»

Ответ: «Салфетками для снятия макияжа».

Блин. Как же я не подумала. Можно сходить за ними, но один взгляд в зеркало заставляет отказаться от этой идеи.

Может, я слегка переоценила необходимость макияжа. Я абсолютно здоровый подросток. Наверное, и выглядеть буду соответствующе — когда продерусь сквозь слои мази на лице. Чтобы достичь хоть какого-то прогресса, я решаю заняться освещением. Это должно быть проще.

Айфон стоит на штативе для съемки видео. От двух торшеров, которые я притащила из подвала, комната просто сияет,

а обе прикроватные лампы повернуты в сторону моего стола. Кресло освещено, словно молекула под ярким микроскопом. Я планирую записать монолог о нейтронных звездах и о том, почему необходимо завершить исследование о них. За столом я буду выглядеть утонченной и умной. Позади стола висит постер с галактиками, так что сцена в целом получается интеллектуальной. Запишу монолог и закадровый голос, сделаю монтаж, и — бум! — идеальное видео для заявки готово.

Включив на телефоне запись, я бегу за стол, а потом чувствую себя глупо из-за этой спешки. Я ведь вырежу эту часть.

— Здравствуйте. Меня зовут Скайлер Дэвидсон. Я идеально подхожу для программы «Подросток в космосе», потому что я люблю нейтронные звезды и у меня есть исследования, которые пригодятся команде на Международной космической станции.

Улыбаюсь, будто я невероятно дружелюбный человек и смогу поладить со всеми в НАСА. Вот. Стоп запись. Поглядим, что получилось.

Я в шоке. Мой голливудский свет ужасен. Правая сторона лица светлее, чем левая. Из-за лампы на столе мои обычно гладкие волосы кажутся взлохмаченными. Дважды за короткий монолог камера уходит в расфокус, а отвратительный макияж совершенно не улучшает общее впечатление.

Я откручиваю абажуры от настольных ламп и сдвигаю лампу на столе. У папы есть еще одна, так что ее я тоже притаскиваю. И в кабинете есть светильник — он тоже приглашен. Вскоре комнату освещают аж восемь ламп, и вдобавок я кладу фонарик на клетку Пятерки. И на Тролля-в-колбе. Когда я сажусь за стол, кажется, что я на удивительно тихой пресс-конференции.

Сейчас бы пригодилась одна из тех черно-белых хлопушек, которые используют на съемках фильмов: «Видео для заявки в НАСА... дубль два. Звук!» Запись. Неспеша подхожу к столу, потому что эту часть потом вырежу.

— Пятерка? Ваш вопрос? — Щурюсь в сторону ее клетки, представляя крысу с тетрадкой и крошечным бейджином. Она, наверное, сидит в домике, закрыв глаза лапками. — Да, отличный вопрос, Пятерка. Почему я должна стать президентом Соединенных Штатов? Для начала — я обожаю хот-доги. И пироги с яблоками. Не могу сказать, что люблю бейсбол, но это обсуждаемо. Моя специальность — нейтронные звезды, и я с уверенностью могу заявить, что знаю о них больше, чем любой восемнадцатилетний человек на Земле. Троль-в-колбе? Вопрос?

Тролли на самом деле жутковатые. Хотя из-за света не видно глаз синеволосой куклы, я чувствую на себе ее взгляд.

— Да, Троль-в-колбе, я знаю, что рискую, но готова пойти на этот риск. Что касается моей мамы, видите ли... Она очень поддерживает мою миссию. А вам не следует приходить на пресс-конференцию в балетной пачке. Где ваши манеры?

Ладно. Стоп запись. Глубокий вдох. Этот дубль должен получиться лучше.

Ух ты. Теперь в кадре так светло, что меня едва видно, а темные полосы от макияжа похожи на шрамы. Неудивительно, что я испугала Тролля.

С тех самых пор, как я зашла в отдел косметики, меня не покидает чувство потерянности и одиночества.

— Когда-нибудь я над этим посмеюсь, да, Пятерка?

Голос мой дрожит.

Я сую руку в клетку и глажу Пятерку между ушками, как ей нравится. Хотя какая разница, что ей нравится. Она *научный образец*. И нельзя говорить «глажу между ушками», она же не питомец. Я скорее... пальпирую ее черепные мышцы для проверки роста тканей. Так-то лучше.

В ее круглых глазах отражается такое удовольствие, что я пальпирую черепные мышцы еще раз.

— Ну что, Пятерка, готова побегать? — Беру ее в руку и сажая на плечо. — Давай займемся наукой.

Окидываю взглядом косметику и хаотично расставленные лампы. Столько времени потрачено, а все без толку. Ни макияж не могу сделать, ни свет поставить, ни снять без расфокуса. Можно вложиться в оборудование получше и макияж подороже (только не это), а можно признать неизбежное: если я хочу попасть в программу, мне понадобится помощь.



— Здесь проходят встречи киноклуба? — спрашиваю я. У двери в кабинет музыки стоит незнакомый мне ученик с планшетом для бумаг. У него кудрявые волосы до плеч и черные джинсы с цепями. В киноклубе есть вышибалы?

Он отмечает что-то в списке, не глядя на меня.

— Ага. Ты актриса для сегодняшней съемки?

Пытаюсь не засмеяться:

— Точно нет.

Парень-с-планшетом переводит на меня взгляд и ждет объяснений. Упс. Надо было соглашаться. Нет, погодите. Тогда бы меня затащили на съемку. Лучше быть честной.

— Я хочу поговорить с вашим оператором.

— С которым из?

Блин. Тут еще и выбор есть? Собираюсь сказать, что мне все равно с которым, но вдруг меня не пустят, если поймут,

что я никого не знаю? Охрана тут строгая. Вон, даже планшет есть.

— Забыла имя. Начинается на «Р»? Или на «М»?

Парень-с-планшетом смотрит в потолок, словно пытаюсь что-то вспомнить.

— Большой Майк выпустился в прошлом году... Никого на «Р» у нас вроде нет. На камерах сегодня только Стиви, Брайс и Купер.

— Купер! Точно. «Р» в конце. Вот о чем я думала. — Пытаюсь вести себя как типичный гелий. — Купер-р-р. «Р» запомнилась. — Пару раз взмахиваю ресницами для пущего эффекта. Унизительно. Ну пожалуйста, Парень-с-планшетом, пропусти меня уже.

Он приподнимает бровь:

— Сейчас посмотрю, свободен ли Купер-р-р. Жди здесь.

Класс музыки преобразился. Ну, я так предполагаю. Не уверена, что хоть раз была здесь.

Пюпитры кучей сдвинули в угол. Вдоль дальней стены стоят запертые шкафчики с музыкальными инструментами. С середины этой стены и начинается преобразование. На полу разбросали воздушные шарики пастельных цветов, шкафчики скрыли от глаз за элегантно развешанными тканями. Под декоративной аркой позируют хихикающие девушки в вечерних платьях. Тут полно блесток, пайеток и декольте.

В джинсах, кроссовках и футболке с надписью «Финал штата по квидболу» я выгляжу неуместно. Обычно меня это не парит, но сегодня я пришла на съемочную площадку и собираюсь просить помощи у совершенно незнакомого мне человека, так что мне становится неловко. Отхожу чуть назад и прислоняюсь к кирпичной стене.

Вокруг актеров и камер снуют люди. Кто знал, что в съемке странной школьной рекламы, которую показывают по утру,